

ветская, «социалистическая» экономика уже не знает эксплуатации и неравенства, то и в политике не должно быть больше подавления и неравенства. Раз нет классов, то и их представляющих партий, в частности, коммунистической партии, не должно уже быть. Кроме того, основной марксистской догмой является, что диктатура пролетариата и его авангарда, коммунистической партии есть состояние временное, — впрямь до осуществления социализма. Но сейчас самой властью провозглашена полная победа социализма, значит должен наступить конец и диктатуре пролетариата во главе с его коммунистической партией. Не даром из всего советского обихода уже вытесняется специфически марксистское понятие «пролетариата» и заменяется нашим понятием «трудящихся».

О том же говорит и марксистская теория об «отмирании государства», весь «диалектический метод» марксизма, требующий все рассматривать в движении, в изменении, в развитии, вся наконец его «философия» и «социология», поскольку в них имеются элементы научности. Так что даже громя марксизм и ликвидируя одно за другим его укрепления, Сталин мог бы при желании быть представлен, как его наиболее верный и строгий последователь.

Нечего уже и говорить, насколько он прав по существу в этой своей ликвидаторской деятельности в отношении политической монополии компартии. Социализм есть почти синоним равенства. «Буржуазия» принесла лишь политическое равенство и свободу, «пролетариат» же обещал дать и социальное равенство и раскрепощение. Тем не менее, равенство в праве на мысль, на творческое слово и действие остается самым высоким, самым святым и первейшим правом человека. Значит пролетарская диктатура, если бы она вообще отвергла это равенство, увековечив фактически себя, была бы не шагом вперед, а огромным шагом назад, не революцией, а реакцией даже с точки зрения «буржуазных» свобод и равенства. Она была бы откатом к тому «кучачьему праву» Средневековья, с его сословно-иерархическим режимом, против которого и восстала «буржуазная» революция. Поэтому, если новая высшая форма демократии должна завершить и восполнить свободы, которые уже были завоеваны «буржуазией», то тем более она не может их урезать и ограничивать. Монополия же компартии, т.е. какой-нибудь сотой доли всего населения, в праве на полит. мысль и действие есть чудовищное проявление неравенства и нарушения самых элементарных свобод. Следовательно, ликвидация этой монополии, если бы она была выполнена Сталиным, явилась бы актом действительного равенства и освобождения, актом, который составил бы собой настоящую эпоху в современном развитии России.

Бережной.

Провокаторы фашизма

Теперь уже ни для кого не представляет сомнения, что коммунизм не только не может исторически победить, но что и идейно он изжит и дискредитирован. Недаром сами коммунисты вынуждены всячески скрывать свои настоящие намерения и маскироваться под чужие образцы — то фашистские, то демократические: тот, чьи идеи популярны и заразительны, не станет их скрывать и прятать под чужими масками.

Но будучи не в силах победить, коммунизм, тем не менее, всюду играет роль возбудителя тех опасений и тревог — иногда искренних, а чаще демагогических — в атмосфере которых зарождается и созревает фашизм, — этот инстинкт самосохранения современной цивилизации, ее S.O.S. — по выражению З. Н. Гиппиус.

Фашизм — явление превентивного характера. Это профилактика, направленная против возможной коммунистической болезни. Как в момент военной тревоги взводят на осадное положение город, так фашизм есть своего рода осадное положение, которое об'являют народы, в виду угрожающей им коммунистической опасности. Поэтому в таких странах, как США, Англия и др., где нет не только реальной, но и кажущейся опасности коммунизма, нет никаких серьезных признаков и фашизма.

Следовательно, фашизм — явление производное, рефлективное. Он не решает ни одной большой проблемы современности, и даже те вопросы, которые он ставит и решает, он решает наспех, провизорно, часто лишь паллиативно. Зато все острое его направляется на борьбу с коммунизмом, который и вызвал его. Поэтому совершенно непостижимой близорукостью является тактика тех, кто для борьбы с фашизмом, т.е. со следствием, объединяются с коммунизмом, т.е. с причиной, — тем более, что коммунизм не только таким косвенным образом, но и в прямом смысле является более решительным врагом их, чем фашизма. Так из-за исторической вины своего собственного злейшего врага эти люди добровольно становятся его жертвой.

Должно быть, здесь не только слепота людей, но и некий рок истории. Нужно, чтоб нейтральная в своей гуманистически-демократической форме современная цивилизация поляризовалась в своих скрытых составных антиподах — коммунизме и фашизме, чтоб они, послужив, таким образом, зеркалом друг для друга, показали ее в ее настоящем, выявленном, поляризованном виде. Тем яснее и насущнее станет тогда необходимость ее преодоления и реальнее и ближе возможность возникновения новой высшей формы цивилизации.

П. Смирнов.

„Бесы“ и „свиньи“

«Навозну кучу разрывая,
Петух нашел жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят!?
А я бы, право, был гораздо более рад
Зерну ячменному, — оно не столь хоть видно,
Да сытно».

(Из басни Крылова).

«Тут на горе паслось большое стадо свиней,
и они (бесы) просили Его, чтобы позволил им
войти в них. Он позволил им. Бесы, вышедши
из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо
с крутизны в озеро, и потонуло».

(Ев. от Луки, VIII, 32-37).

Мы взяли в качестве эпитафий к нашей теме эти слова из столь различных источников потому, что и тема наша состоит из двух и совсем разных аспектов. Это тема о «свиньях» вообще — из паши, так сказать, постоянной человеческой жизни и о «свиньях» из современной, почти апокалиптической судьбы России. «Свиньи» первого рода — вещь очень простая. И приведенными словами из басни разговор о них мог бы быть исчерпан. Но дело в том, что на исторических подмостках, на которых сейчас разыгрывается великая трагедия России и в ее лице — трагедия всего современного мира, вслед за большевистскими «бесами» должны, повидимому, в качестве тоже некоторых действующих лиц, появиться и знаменитые евангельские «свиньи». Дальше мы увидим в каком смысле и почему. Так что и тема о «свиньях» вообще становится по-особому значительной и актуальной. Есть странное и непоплатное явление. Никому не придет в голову кичиться, скажем, своей физической невзрачностью или умственным убожеством, тупостью и бездарностью. А вот чванство своей духовной невзрачностью, тупостью и убожеством можно встретить сплошь и рядом. Наша же буржуазно-материалистическая эпоха наделила его даже принципиальным и теоретическим превосходством. Подобно тому, как есть снесь и чванство профессиональное, когда, например, юрист или врач превыше всего ставят свое дело, с пренебрежением относясь к другим профессиям, так есть свое-